

О. В. Григорьев (Новосибирск)

ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ ПЕТРА I

В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Петра I в России появились и новые нормативные акты, регламентирующие военное судопроизводство, и принципиально новые органы военного правосудия – специализированные военные суды. Тогда же утвердился термин, которым стали именовать реформированные органы военного правосудия – «кригсрехт». В первом десятилетии XVIII в. нормативную основу функционирования кригсрехтов образовали «Уложение или право поведения генеральных, средних и низших чинов» 1702 г. (или Уложение Б. П. Шереметева) и Краткий артикул 1706 г. (или Краткий артикул А. Д. Меншикова)¹.

Согласно нормам, закрепленным в главах 10–12 указанного Уложения, военные суды определялись как временные коллегиальные судебные присутствия, формировавшиеся из числа строевых военнослужащих для рассмотрения конкретного уголовного дела. Учитывая юридическую неподготовленность строевых военнослужащих, при кригсрехте предусматривалась должность аудитора – особого лица, занимавшегося подготовкой дела к слушанию и правовым консультированием членов суда.

По существу рассматриваемого дела каждый из судей излагал мнение («сентенцию») с предложением о мере наказания подсудимому. Вынесенный кригсрехтом приговор направлялся на утверждение старшему воинскому начальнику².

Примером сентенций, вынесенных в рамках заседания военного суда, может послужить дело, возбужденное в отношении драгунов Чернышева и Зубкова по обвинению их в изнасиловании «девки Христианицы». Для рассмотрения дела по существу

сформировали военный суд, в состав которого вошли «презус» (председатель) майор Сибирского полка Челюскин, капитаны, поручики, подпоручики, сержанты, капралы и ефрейторы по одному военнотружашему от Московского и Сибирского полков соответственно.

Ст. 3 гл. 3 действовавшего на тот момент Краткого артикула А. Д. Меншикова 1706 г. за совершение «прелюбодеяния насильством» предписывала наказать преступника «аркебузироваанием», т. е. расстрелять, однако на практике единого мнения у членов суда не возникло:

сентенция ефрейторов – «бить батогами перед полком»;

сентенция капралов – «прогнать батогами сквозь строй батальона один раз»;

сентенция сержантов – «прогнать батогами сквозь строй полка один раз»;

сентенция поручиков – «бить кнутом перед полком по 50 ударов и сослать на каторгу»;

сентенция капитанов – «казнить смертью через повешение»;

сентенция презуса – «казнить смертью».

По Краткому артикулу приговор кригсрехта представлялся на «конфирмацию» (утверждение) воинскому начальству (ст. 9 гл. 10; ст. 5 гл. 12).

Генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев, составляя конфирмацию, согласился с мнением презуса: «По вышеобъявленному кригсрехту подтверждаем драгунам за их насильное растление девки, в котором они обще явились, учинить смертную казнь – расстрелять, понеже в артикуле, в 3-й главе и 3-й же статье, предложено за насилие чинить смертную казнь. А по учинении той экзекуции над теми драгунами, допросы их с сей конфирмациею и подлинной кригсрехт паки прислать в Военную канцелярию. А при той экзекуции быть артиллерийским служителем в строю»³.

Появление отмеченной процедуры означало начало восстановления в уголовном процессе России ревизионно-решающего порядка пересмотра и утверждения судебных решений (уже существовавшего в конце XV – первой половине XVI в.). Апелляция на приговор кригсрехта не предусматривалась.

Военные суды устанавливались трех видов: полковые, генеральные и так называемые «скорорешительные». Полковым судам были подсудны дела в отношении рядовых и сержантов,

а также обер-офицеров (младших офицеров: прапорщика, поручика и капитана). Генеральному военному суду подлежали, во-первых, дела по обвинению старших и высших офицеров, а во-вторых, дела о преступлениях целых воинских частей. Председательство в генеральном кригсрехте принадлежало генералу или фельдмаршалу. «Скорорешительные суды» учреждались в случае возникновения в войсках массовых беспорядков и осуществляли отправление правосудия ускоренно и по упрощенной процедуре.

На практике подобные меры были применены, например, в период неудачных действий войск Петра I на Пруте. Для того чтобы остановить панические настроения в войсках, в местах стоянки устанавливались виселицы, на которых казнили всех, кто проявил малодушие и неустойчивость. Важно отметить, что Петр I всегда был суров к трусам и маловеерам: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля»⁴.

Важно также отметить и тот факт, что новоиспеченные военные суды никак не были связаны с другими органами военного управления, не утратившими судебные функции (Адмиралтейским и Разрядным приказами, Приказом артиллерии, Военной канцелярией и др.)⁵. Кроме того, по мнению принятого русскую службу «камералиста-практика» Генриха фон Фика, российские губернаторы, в рамках решаемых административных вопросов, имели «суд и росправу полную»⁶.

В связи с этим возможно сделать вывод о том, что вновь созданная система военных судов (кригсрехтов), выполняя возложенные на них военно-судебные функции, была обособлена от вышеуказанных органов и замыкалась непосредственно на военное командование.

Таким образом, Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г., восполнивший определенные недостатки нормативной базы, явился важнейшим актом военно-судебной реформы периода 1700-х гг., в полной мере заложившим основы преобразования военного судоустройства и судопроизводства.

Полностью оценить эффективность функционирования военных судов России начала XVIII в. представляется затруднительным по причине отсутствия в документах архивов и в публикациях сводных статистических данных. Однако мы можем привести

некоторые конкретные примеры о деятельности военных судебных органов того периода.

В начале Северной войны Петр I вел активную борьбу с дезертирами. В письме Т. Н. Стрешневу, который на тот момент являлся судьей Приказа военных дел, царь требует: «Когда сие письмо получишь, изволь немедленно сих проклятых беглецов... сыскать, сыскав, всех бить кнутом и уши резать, да сверх того 5-го с жребья ссылать на Таганрог...»⁷

Для суда над дезертировавшими из Лейб-гвардии Преображенского полка 28 солдатами в 1708 г. был создан кригсрехт, который приговорил 15 солдат к смертной казни, а остальных к каторжным работам. Петр I сделал в своей конфирмации следующую запись: «А впредь таких, которые збегут и пойманы будут, без всякой пощады казнить»⁸.

Любопытно, что в 1709 г., когда из Лейб-гвардии Преображенского снова дезертировали военнослужащие, разгневанный Петр I пишет своему сподвижнику Ф. Н. Глебову: «Когда к Вам из Киева привезут беглых солдат нашего полку Матвея Вялова да Матвея Полякова, и оных вели расстрелять при полку...»⁹

Традиционно много проблем в действующей армии связано с мародерством и насилием над местным населением. Инструктируя генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева о походе в Померанию (1708), Петр I требовал строгой воинской дисциплины и поддержания правопорядка в отношениях с гражданским населением. Уличенных в мародерстве рядовых предписывалось направлять на каторжные работы, а в отношении допустивших мародерство и замеченных в злоупотреблении офицеров назначать кригсрехт¹⁰.

Деятельность полковых судов по реализации указанных норм ярко проявилась во время нахождения русской армии в землях Речи Посполитой. Так, для пресечения мародерства в отношении местного населения Петр I, обращаясь к Г. Б. фон Огильви и Б. П. Шереметеву (которые командовали русской армией), писал «...понеже войско все вам, двум фельдмаршалам вручено с полным воинским правилом, судом и указом, по которым вы должны чинить праведный и воинской суд»¹¹.

Примером деятельности Генерального кригсрехта может послужить дело генерала Никиты Ивановича Репнина. Так, 3 июня 1708 г. шведы неожиданно атаковали позиции дивизии, возглавляемой Н. И. Репниным. В результате наступления неприятеля

«многие полки пришли в комфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не салдацким боем». Понеся значительные потери, дивизия вынуждена была отступить, оставив на поле боя 10 орудий.

В результате Петр I назначил «фергер» (следствие), наказав при этом провести его «не маня никому» и «со всякою правдою»¹².

Состоявшийся кригсрехт вменил генералу Н. И. Репнину халатность при выборе позиции, неготовность дивизии к обороне, утрату в ходе боя управления войсками («никто не ведал, куда уступить в лесу») и потерю боевого оружия («люди разбегались – оставив на поле боя десять пушек»).

Необходимо отметить, что генерал Н. И. Репнин не запыртался и всю вину взял на себя, хотя мог привести в свое оправдание довод о том, что просил и не получил подкрепления от генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева¹³. Приговор кригсрехта Н. И. Репнину был суров – «достоин быть жития лишен», но учитывая, что содеянное «не к злости, но из незнания», смертная казнь была заменена разжалованием в солдаты¹⁴.

Таким образом, в начале XVIII в. Петр I существенно реформировал военное правосудие, сделав военные суды (кригсрехты) мощным инструментом для поддержания дисциплины и правопорядка в войсках. Военно-судебные преобразования Петра I явились важным элементом военной реформы.

Вершиной же развития военно-уголовного и военно-процессуального законодательства Петра I (и вообще развития военно-уголовного и военно-процессуального законодательства России в XVIII в.) неоспоримо явились Артикул воинский и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (Приложение 8). Российская армия и военные суды получили составленные по последнему слову юридической техники специальные военно-уголовный и военно-процессуальный акты. Наряду с этим «Краткое изображение процессов...» необходимо признать базисным актом военно-судебной реформы 1700 – начала 1710-х гг.¹⁵

Военному суду были подсудны как уголовные, так и гражданские дела не только военнотружущих, но и всех других лиц, состоявших при войске.

Показательным, в связи с вышесказанным, может быть дело извозчика Архангелогородского драгунского полка Власа Ильина. Как выяснило проведенное следствие, он без видимых

на то причин заколол ножом гобоиста того же полка Никифора Щеголева. От полученного ножевого ранения Н. Щеголев скончался. Созванный кригсрехт квалифицировал преступное деяние В. Ильина как умышленное убийство и приговорил его к смертной казни через отсечение головы¹⁶.

В состав кригсрехта полагалось вводить военнослужащих, не запятнавших честь и достоинство: «Суд всегда из некоторого числа честных особ сочинен бывает, которым от высококачественства власть и мощь во управлении правосудия дана. Оным тягущимся особы свои тяжёбные дела порядочно доносить, и по правам на оныя решения от них получить могут» (ст. 2 гл. 1). В состав суда входили председатель («президент» или «презус») и заседатели (ассессоры). При каждом суде состоял технический персонал: секретарь (или протоколист) и адъютант, исполнявший обязанности судебного пристава. Следовательно, военный суд уже тогда являлся органом коллегиальным и подавал в этом пример иным (невоенным) судам.

Предполагалось, что коллегиальные суды должны действовать в количестве 13 человек. Допускались заседания в сокращённом составе, но не менее семи его членов. Для каждого конкретного случая состав суда назначался персонально. В этом нельзя не заметить тенденцию к привлечению в состав суда представителей воинских коллективов, что повышало авторитет военного суда.

Председательствующие в военных судах именовались президентами или презусами (последнее название было принято на практике). В генеральном суде председательствовал фельдмаршал или генерал. Презус полкового суда назначался из числа полковников или даже подполковников и майоров.

Утверждавший приговор воинский начальник мог не только смягчить, но и усилить наказание («какое мнение свое на оное объявит, прибавит или убавит, по тому и экзекуция отправляема быть иметь»¹⁷). На практике власть контролирующего начальства была практически безграничной, вследствие этого апеллировать фактически следовало не к закону, а к вышестоящему командиру или императору как верховному главнокомандующему.

Примером тому может стать дело вице-адмирала К. И. Крюйса. 11 июля 1712 г. эскадра под его командованием, состоящая из семи линейных кораблей, четырех фрегатов и двух шняв, повстречала три корабля шведов. В ходе начавшегося преследования три российских корабля сели на мель, что позволило кораблям

шведов скрыться. Важно отметить, что два севших на мель русских корабля – «Рига» и «Выборг» – были линейными, и при этом «Выборг» получил такие сильные повреждения, что было принято решение его сжечь, сняв предварительно вооружение.

По данному делу был назначен фергер (следствие) и сформирован кригсрехт в составе: презус – граф Ф. М. Апраксин, ассессоры – шаутбенахт Петр Михайлов (как известно, под этим псевдонимом скрывался Петр I), капитан-командор светлейший князь А. Д. Меншиков, офицеры флота П. И. Сиверс, М. Х. Змаевич, Я. Кроненбург, П. Нельсон, В. Й. Беринг, К. Н. Зотов, З. Д. Мишуков и ряд других. 22 января 1714 г. члены суда вынесли приговор: вице-адмирала К. И. Крюйса – «наказать смертию», капитан-командора В. Шелтинга – разжаловать в «молотчие капитаны», капитан-командора А. Рейса – «разстрелять», капитана И. Дегрейтера – «выбить из сей земли без абшиту»¹⁸.

Важно отметить, что Петр I (как Верховный главнокомандующий) при составлении своей конфирмации был менее суров и ограничился ссылкой, а вскоре и вовсе простил К. И. Крюйса и даже повелел ему «чин виц-адмирала... удостоить»¹⁹.

Изданный вслед за «Кратким изображением процессов...» Артикул воинский редакций 1714 г. и 1715 г. был, как уже отмечалось, первым отечественным военно-уголовным кодексом. Состоявший из 24 глав и 209 статей («артикулов»), он был несравненно более подробным и пригодным для практического применения законодательным актом, нежели предыдущие документы: Уложение Б. П. Шереметева 1702 г. и Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г. В Артикуле воинском предусматривалась ответственность за почти исчерпывающий круг преступлений, которые мог совершить военнослужащий в мирное и военное время – от противоцерковных до специфически воинских. В этом отношении нельзя не оценить скрупулезность работы законодателя, внесшего в кодекс как общераспространенные составы преступных деяний (убийства, кражи, изнасилования, нанесение телесных повреждений), так и достаточно редкие для России (чародейство, идолопоклонничество).

Примечательно, что с Артикулом воинским связан эпизод, который представляется возможным трактовать как первый случай, когда российский правоприменитель осознал недопустимость придания уголовному закону обратной силы. Так, в 1722 г.

Петру I поступил на утверждение приговор военного суда, вынесенный на основании Артикула воинского бывшему коменданту Астрахани М. И. Чирикову. Несмотря на то, что тот обвинялся в преступлениях, совершенных в 1717–1718 гг., император, проявив неординарную юридическую щепетильность, предписал выяснить, имел ли бывший комендант возможность ознакомиться с Артикулом воинским («был ли в присылке в Астрахань... Артикул военный»). Поскольку, как было установлено путем опроса подьячих комендантской канцелярии и офицеров местного гарнизона, ни одного экземпляра Артикула воинского в Астрахань в период пребывания там М. И. Чирикова не поступало, Петр I не стал утверждать приговор, указав подготовить его новый вариант²⁰ (что, вероятнее всего, означало необходимость переквалифицировать доказанные судом эпизоды преступной деятельности бывшего коменданта на основании иных актов уголовного законодательства).

Указанные нормы имели применение в деятельности военных судов. Так, в 1712 г. был начат «фергер и кригсрехт» о командире гренадерского полка полковнике Г. С. Рожнове, заслуженном боевом офицере, отличившемся в сражениях под Головчинами, Полтавой и Прутском походе²¹. Причиной возбуждения обвинения было то, что во время марша осенью 1712 г. с Украины к Смоленску драгунского полка, которым временно командовал Г. С. Рожнов, для нужд полка у гражданского населения было изъято вместо положенных по штату 200 лошадей – 789.

Разбирательство дела находилось под пристальным вниманием командующего Б. П. Шереметева. Он покровительствовал Григорию Рожнову и пытался смягчить обвинение. Уже после начала «фергера» полковник составил задним числом приказ по полку о строгом соблюдении установленных норм использования обывательских лошадей и потребовал от офицеров полка подписаться об ознакомлении с этим приказом. После этого на допросах Г. С. Рожнов заявлял, что во время изъятия лошадей у населения он был болен и не мог проконтролировать законность проведения мероприятия.

Сведения о деяниях Г. С. Рожнова дошли до самого царя. 28 февраля 1714 г. Петр I написал Б. П. Шереметеву: «Пред сим писали мы к вам, дабы вы о худых поступках полковника Рожнова учинили крейсрехт, и по тому крейсрехту какому он подлежать будет штрафу, о том к нам писали. О чем и ныне

подтверждаем. И с тем крейсрехтом пришлите ево, Рожнова, к нам в Санкт-Питербурх»²².

Далее «фергер» затыгивать было уже невозможно. Состоялся «кригсрехт», который вынес достаточно мягкий приговор: Рожнов был лишен чина и должности, а также оштрафован на 500 р. Понесли наказание и офицеры полка, обвиненные в том, что выполняли «лживый» приказ. Б. П. Шереметев утвердил приговор (лишение чина на практике было чаще всего временным наказанием) и смягчил наказание остальным офицерам. Однако такой вариант приговора не устроил Петра I, который при его утверждении назначил Г. С. Рожнову ссылку в Сибирь.

В 1714 г., посещая Ревель, Петр I получил «как от шляхетства, так и от бургеров... челобитье во многих худых поступках» коменданта бригадира В. Н. Зотова, которые на практике выражались «в задержках караблей, посулах, бою и протчих обидах и непорядках как в нашей службе, так и в народных делах».

12 марта 1714 г. царь указал бригадиру В. В. фан Делдину и полковнику В. И. Порошину приехать в Ревель и, взяв «одного подполковника, одного маеора, двух капитанов, одного порутчика или одного капитана и двух порутчиков к себе в ассоры, провести фергер о Зотове»²³.

Возможно, что многократность подобных преступлений побудила Петра I детализировать диспозицию и санкцию норм ст. 182 Артикула воинского, предусматривающих ответственность военнослужащих за мародерство, соответствующие изменения были внесены в 1716 г.²⁴

Смягчение законодательства в отношении беглых военнослужащих отразилось в практике кригсрехтов. По приказу от 16 мая 1716 г. лейб-гвардии майора М. А. Матюшкина был проведен фергер и кригсрехт о беглом солдате 1-й роты Преображенского полка И. Темском. В разделе фергер содержатся протоколы допросов И. Темского, урядников и капралов 1-й роты, из которой он бежал. В разделе кригсрехт подписанные членами судебной коллегии сентенции: подпоручики – «предлагаем казнить смертью»; поручики – «надлежит его казнить смертью»; капитаны – «оного солдата надлежит повесить»; презус капитан В. Салтыков – «казнить смертью». После – конфирмация командира Преображенского полка лейб-гвардии подполковника И. И. Бутурлина, датированная 22 апреля 1719 г.: «Дать ему сорок ударов кнутом и сослать на каторгу до указа»²⁵.

Примером ревизионно-решающей деятельности Военной коллегии может послужить дело барабанщика Кексгольмского батальона Степана Емельянова. Согласно материалам военного дела, отложившегося в Российском государственном военно-историческом архиве, он совершил в 1717 г. побег из Выборгской крепости, унеся при этом с собой мундир и шпагу. Беглеца удалось арестовать спустя три года, в октябре 1720 г. Все прошедшее со времени побега время С. Емельянов провел в доме у своего отца.

Согласно ст. 95 Артикула воинского 1715 г. дезертиру С. Емельянову грозила смертная казнь через повешение. И действительно, приговор полкового суда, состоявшегося в Выборге, по месту прежней службы подсудимого, полностью соответствовал нормам военно-уголовного права. Смертный приговор полкового кригсрехта на правах старшего воинского начальника утвердил выборгский обер-комендант И. М. Шувалов. Приговор не являлся окончательным, поскольку требовал утверждения в Военной коллегии.

Военная коллегия своим приговором от 14 июля 1721 г. отменила смертную казнь С. Емельянову, заменив ее «политической смертью», которая предполагала телесное и членовредительное наказание виновного (наказание кнутом и вырезание ноздрей), а также бессрочную ссылку на каторгу. Из приговора Военной коллегии известно, что ревизионно-решающая инстанция учла долгое (в течение десяти месяцев) содержание беглого барабанщика под стражей. На этом основании было принято решение о смягчении наказания: «...понеже он держица под караулом уже десятой месяц, того ради для такова продолжительного ареста вместо смерти учинить ему наказанье бить кнутом и, вырезав ноздри, сослать ево на каторгу в вечную работу»²⁶.

Подводя итоги, следует констатировать, что в период петровских реформ был сделан значительный шаг в развитии военного правосудия: в определении воинских преступлений и наказаний, организации военных судов, подсудности дел военным судам и судопроизводстве. Военно-судебные преобразования Петра I явились важным элементом военной реформы. И хотя безусловного, полного отделения суда от административной власти не произошло (ибо роль военного командования на всех этапах уголовного процесса продолжала оставаться значительной), именно в первой четверти XVIII в. военные суды

образовали собой обособленную подсистему в судебной системе России.

Важнейшим итогом деятельности Петра I в области законодательства необходимо признать принятие Артикула воинского и «Краткого изображения процессов и судебных тяжб», в результате чего русская армия получила первые военно-уголовный и военно-процессуальный кодексы, просуществовавшие с незначительными изменениями до начала XIX в. В годы правления Петра I военный суд был призван стать орудием в руках государства для установления законности и правопорядка в армии и на флоте. Общей тенденцией судебной практики стало усиление карательной направленности отправления правосудия. В итоге преобразований первой четверти XVIII в. в России была сформирована военно-судебная система, полностью отвечавшая условиям организации и функционирования реформированной регулярной армии.

¹ Характеристику названных актов см.: Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. С. 66–82.

² Ст. 9 гл. 10-й и ст. 5 гл. 12-й Краткого артикула 1706 г.

³ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. С. 87, 88.

⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1972. С. 145.

⁵ Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. С. 135.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 58. Л. 2 об. – 3.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее ПиБ). Т. 1 (1688–1701). СПб.: Государственная типография, 1887. С. 37.

⁸ ПиБ. М.; Л., 1948. Т. VIII, вып. 1. С. 226.

⁹ ПиБ. М.; Л., 1950. Т. IX, вып. 1. С. 334.

¹⁰ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 53.

¹¹ ПиБ. СПб., 1893. Т. III. № 824.

¹² ПиБ. Т. VIII, вып. 1. С. 15, 16, 28.

¹³ Мышлаевский А. З. Северная война. Летняя кампания 1708 г. // Военный сборник. СПб., 1901. № 10. С. 48.

¹⁴ Андреев И. Л. На пути к Полтаве. М.: Вече, 2009. С. 65; Павленко Н. М. Меншиков: полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 112.

¹⁵ Ефремова Н. Н. Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). М., 1993. С. 74–76.

¹⁶ Центральный государственный архив республики Дагестан (ЦГАРД). Ф. 18. Оп. 1. Д. 23; Д. 3; Д. 150. Л. 56.

- ¹⁷ Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1998. С. 840.
- ¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 39–46 об.
- ¹⁹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. С. 399.
- ²⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1898. Т. 101. С. 200, 208–209.
- ²¹ Подробнее см.: Акишин М. О. Судебная реформа Петра I : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 52–54.
- ²² Цит. по: Акишин М. О. Судебная реформа Петра I. С. 53.
- ²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого). Оп. 1. Д. 75. Л. 168.
- ²⁴ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование. СПб., 1887. С. 66–67.
- ²⁵ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. С. 334–341.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–3 об, 3–3 об.